

*Посвящается Элли,
для которой и было придумано*

ОТ АВТОРА

Все началось с того, что я стоял за прилавком книжного магазина и пытался продать очередную «тоже фантастическую» книгу очередному покупателю. Покупатель оказался вьедливым и, ткнув ногтем в очередную же полуодетую красотку на обложке, ехидно спросил: «Что, в этой книге и вправду есть... э-э... связанная обнаженная девушка?»

Поскольку книгу я не читал, то дать утвердительный ответ не решился — ибо если просто обнаженные дамы в «тоже фантастике» присутствуют почти наверняка, то связывают их не всегда. А отсутствие на героине хотя бы в одном эпизоде веревки, цепей и прочих оков данный вьедливый господин вполне может счесть поводом для обращения в Союз защиты прав потребителей.

Так что, сев за написание этой книги, я решил подстраховаться — в ней подобная девушка есть. Их даже две... так, на всякий случай.

ГЛАВА 1

Кристофер Ханко, охотник за эдельвейсами

Проснулся я из-за того, что какая-то сволочь полоснула по моим глазам эльфийским клинком.

Гады. А я ведь предупреждал, что будить меня опасно для здоровья. Ну ничего, вот еще минутку... еще пять минуток подремлю, а потом эти несчастные эльфы пожалеют, что родились. Разлепив наконец веки, я обнаружил, что никакого клинка нет, зато есть луч утреннего солнца, пробившийся сквозь опущенные занавески и не утративший при этом режущих способностей. А еще была головная боль.

Причем на редкость противная. Самым неприятным в ней было то, что я абсолютно не представлял, откуда она взялась.

Если бы дело происходило в походе, можно было бы предположить, что я проглотил за ужином кого-нибудь не того — хотя в этом случае логичнее было бы болеть животу — или развел неправильный костер. Но я лежал в мягкой и удобной кровати на втором этаже салуна «Одноглазый эльф», и хотя за Фредди, конечно, водилось множество грешков, но отравленных клиентов, насколько я помнил, пока не числилось.

Больше всего эта боль была похожа на очень гнусное похмелье. Но, во-первых, Фредди никогда не позволит себе выставить ослиную мочу, а во-вторых, я вообще не пью. Так, пропущу иногда пару стаканчиков, но напиваться, как орк, — не вижу смысла. В жизни есть куда более приятные занятия.

В этот момент в правом виске раздалось особенно гулкое тупанье. Я застонал и повернулся на бок. Боль пропала. Это произошло так неожиданно, что я едва не свалился с кровати.

Ничего не понимаю. Я сел, осторожно потряс головой, попытался зевнуть — спать совершенно не хотелось — и попробовал прилечь обратно на подушку. Боль моментально вернулась с удвоенными силами.

Ага. Значит, на подушке она есть, а в других местах — нет. Интересно.

Я слез с кровати, завернулся в одеяло, вытащил из-под матраса свой «Тигр» и начал перетряхивать всю постель сверху донизу, не совсем, правда, представляя, что именно я ищу. Но нашел.

Находка моя представляла собой деревянный амулетик для наведения порчи — дрянная дешевка, какую можно купить у любого гоблинского шамана по полдайма¹ за дюжину.

Амулетик был приклеен к днищу кровати со стороны изголовья. Приклеен, впрочем, тоже некачественно — стоило мне до него дотронуться, как он тут же упал.

Я выудил деревяшку из-под кровати, сдул с нее пыль и задумался.

Самая жуткая вещь, которую может вызвать подобный амулетик, — приступ кариеса. Ну, в крайнем случае цинги, если вы разделяете в еде пристрастия стервятника. И всех проблем — сходить к доктору и заговорить больной зуб.

Уверен, что никто из моих друзей — а их не так уж много — не имеет склонности к шуткам такого низкого пошиба. С другой стороны, враги — а их тоже не легион, хотя и больше, нежели мне хотелось бы, — вряд ли стали бы размениваться на мелкие пакости. Убить — другое дело, но никак не меньше.

Оставалось предположить, что эта дрянь досталась мне в наследство от предыдущего постояльца. А раз так — можно потребовать от Фредди урезать плату за постой. В конце концов, проверка комнаты «на вшивость» входит в счет.

Придя к этому утешительному выводу, я выпутался из одеяла, побрызгал на себя водой из умывальника, оделся. По привычке осмотрел комнату, хотя все ценное надежно покоилось в несгораемом шкафу в подвале салуна, и вышел.

Со времен моего последнего визита сюда в архитектуре второго этажа появилось одно новшество, на которое я вчера вечером в темноте не обратил внимания. На стене в конце коридора теперь находилось зеркало. Небольшое, овальное, в вычурной бронзовой рамке, оно бы куда лучше смотрелось в гостиной над декоративным мраморным камином.

Последний раз я любовался на свою заросшую трехнедельной бородой рожу в каком-то пещерном озерце. А в зеркала не смотрелся уже, пожалуй, больше года — они в городке были наперечет.

---

¹ Д а й м (dime) — монета в 10 центов. (Здесь и далее примеч. автора.)

На этот раз из зеркала на меня взглянул вполне обычный молодой человек. Черные волосы, серые глаза — вообще-то они у меня карие, но одно весьма полезное заклинание в качестве побочного эффекта изменило их цвет, — бело-синий шейный платок с эльфийским орнаментом и темно-синяя суконная рубашка. Рубашка, как я подозревал, была украдена с какого-то армейского склада и неисповедимыми путями очутилась на полке лавки Полосатого Джо. К сожалению, в зеркале не было видно пояса с кобурой, из которой эффектно маячила рукоятка шестизарядного «тигра» фирмы «Гномиш армз», и новомодных брюк с заклепками от Леви Страусса. А жаль. Я подмигнул своему отражению и спустился вниз.

Фредди — шесть футов и пять с четвертью дюймов его темно-зеленой пупырчатой кожи — уже открыл двери салуна и занял свою позицию за стойкой. При виде меня он радостно осклабился.

Некоторые непонятливые новички при виде Фредди, особенно улыбающегося Фредди, отчего-то начинают удивляться — что делает тролль в салуне под названием «Одноглазый эльф», на что старожилы, вроде меня, вполне резонно отвечают, что горбатый тролль ничем не хуже одноглазого эльфа.

Кроме Фредди, в салуне еще почти никого не было. Только за угловым столиком какая-то личность в гордом одиночестве пыталась загипнотизировать кружку. Судя по небольшому росточку и по манере прятаться в темноту, это был гном-переросток.

— Доброе тебе утро, — сказал я, подходя к стойке.

— Как всегда? — осведомился тролль.

— Ага, — кивнул я и выложил на стойку амулетик.

Фредди запустил свою лапищу под стойку и добыл поднос, на котором явно не без помощи колдовства обнаружились яичница с ветчиной, кусок пирога и большая кружка кофе. Запахи были потрясающие.

— Извини, — пробасил Фредди, ставя поднос на стойку и сгребая амулетик свободной лапой. — Не заметил.

Раздался тихий треск, и из сжатого кулака Фредди выскользнуло облачко зеленоватого дыма. Тролль разжал кулак и стряхнул на пол горсть трухи.

— Так можно и бородавку заработать, — сказал я.

— Тебя тут искали.

Кусок ветчины замер на полдороги к моему рту.

— Кто? Все же знают, что я не работаю.

Я только позавчера вернулся из одной весьма прибыльной

и даже не очень рискованной экспедиции, итогом которой было то, что два профессора-ботаника из Европы стали обладателями трех ростков красного эдельвейса, который, по их мнению, растет только на могилах древних эльфийских королей, ну а я стал владельцем четырех сотен полновесных американских долларов. Человек я добрый и не стал, получив деньги, объяснять профам, что, во-первых, в Америке никогда не было эльфийских королей, а, во-вторых, красный эдельвейс растет на их могилах потому, что его там сажают. Вообще-то он растет в горах.

И теперь, до тех пор, пока этим четырем сотням не придет конец, я намеревался валяться в мягкой кровати, читать Жюль Верна и Ницше, три раза в день питаться у Фредди и каждый вечер принимать горячую ванну. А в перерывах между этими занятиями предаваться ничегонеделанию.

Троль пожал плечами.

— Мое дело — сказать. А спрашивать будешь сам.

С этими словами он ткнул во что-то за моей спиной.

Я развернулся в указанном направлении и обнаружил, что Фредди указывал на тот самый темный угол, где находилась темная личность. На этот раз я смотрел внимательнее и разглядел больше.

Это была невысокая бледная девушка, старательно закутавшаяся в серый плащ с капюшоном. Возможно, полуэльфийка или гномка, хотя и не обязательно — невысокие люди иногда появляются и без помощи других рас. Впрочем, все реже и реже.

Я подхватил поднос и двинулся к столику, дожевывая на ходу ветчину.

— Мне сказали, что вы кого-то ищете?

Девушка посмотрела на меня довольно возмущенно — очевидно, там, откуда она прибыла, не было принято садиться к даме за стол без приглашения, а уж тем более плюхаться, как это сделал я.

— Я разыскиваю мистера Ханко.

— Мистер Кристофер Ханко — это я.

Глаза у нее немного потеплели. Странные, кстати, глаза, довольно непонятного... я моргнул, сосредоточился, и они на миг полыхнули красной.

Вот, значит, как. Вампир. Точнее, вампирка.

Нельзя сказать, чтобы я сильно удивился. У нас здесь как-никак Пограничье. Одних оборотней не меньше, чем койотов. До тех пор, пока ты соблюдаешь определенные правила, всем плевать, что или кого ты сосешь в своей хижине. Другой во-

прос, что вампирам с трудом удастся держать себя в этих рамках — последнего здешнего кровососа три года назад отправили в его же собственном гробу в плавание по озеру, возложив при этом на крышку связку динамита. Рыбы, говорят, остались весьма довольны.

— Мне сказали, что вы хороший проводник.

— Поправка. Я вхожу в двадцатку лучших проводников Пограничья. И на данный момент в этом городке я — самый лучший. До тех пор, пока не вернется Барсов, а это случится не раньше чем через пять дней. Но я не работаю.

Одно из немногочисленных преимуществ избранного мной способа зарабатывать на жизнь — не я бегая за работой, а работа бегает за мной.

— Мне нужно попасть в глубь Запретных Земель.

Ну вот. Начинается.

Исключительно из чистого любопытства я задал еще один вопрос:

— И сколько же вы собираетесь мне заплатить?

— Я надеюсь, — заявило бледное создание, — что пятидесяти фунтов будет достаточно?

Это было даже не смешно.

— Послушайте, мисс-как-вас-там...

— Можете называть меня леди К.

— Нет уж. К. — это я. Кристофер, не забыли? Так вот, уважаемая мисс леди М. Меньше чем за пятьсот фунтов ни один хороший проводник даже разговаривать с вами не станет. А плохой проводник — это далеко не самый приятный способ самоубийства.

Похоже, вампирка слегка растерялась.

— Но у меня только сто семьдесят фунтов. Векселем Сити-банка.

Час от часу не легче. Ближайшее место, где можно реализовать вексель лондонского банка, самую малость поближе Лондона. Один проезд станет в половину суммы.

— Хотите бесплатный совет? Возвращайтесь в свой склеп и забудьте о том, что вас сюда привело.

— Я не могу. Это старый долг, и он...

— Если он такой старый, — заметил я, — то вполне может подождать еще сотню-другую лет.

По-моему, она хотела сказать еще что-то. Но смолчала. Нацепила на нос противосолнечные очки и вышла из салуна.

Я доел свой пирог, запил его кофе и, сам не знаю зачем, заглянул в ее кружку. В кружке был морковный сок. По-моему, она к нему даже не притронулась.

* * *

Когда я вышел на улицу, солнце уже поднялось довольно высоко. Пришлось добыть собственные очки — большие, не дающие бликов и, как следствие, очень дорогие. Что поделать — за хорошие вещи приходится платить.

Для начала я собирался зайти на почту. Почта находится в здании вокзала, а вокзал, в свою очередь, представляет собой конечный пункт однокорейки, по которой к нам раз в неделю приходит пара вагонов всяческого барахла, газеты второй свежести и примерно треть неприятностей. Остальные две трети приходят к нам пешком.

За те семь лет, что я провел в Пограничье, шесть железнодорожных компаний пытались проложить новую ветку в Запретные Земли. Все они обанкротились через пару месяцев, и вот уже больше года новых дураков не находилось. Похоже, седьмая сочла за лучшее заняться поисками Северо-Западного прохода. Так что в ближайшее время мы по-прежнему будем оставаться последним форпостом так называемой человеческой цивилизации. А с Западного побережья на Восточное придется добираться через Магелланов пролив.

Я вошел на почту, вежливо поздоровался со всеми присутствующими в лице нашего почтмейстера Енота Вилли и трех десятков сонных мух, выбрал скамейку почище и, вооружившись тремя кипами газет, начал приобщаться к новостям извне.

— Сеньор Ханко?

Я как раз с интересом начал изучать речь Бена Дизраэли, которую зачем-то перепечатала нью-йоркская «Таймс» из лондонской, и этот тип — кто бы он ни был — прервал меня на самом интересном месте.

— Да, это я.

Странный сегодня день.

— У меня к вам одно маленькое дельце.

Я опустил газету и посмотрел на человека, который уже после двух произнесенных им фраз начал мне очень не нравиться.

Загорелый чернобородый человек, одетый в дорогой костюм европейского покроя. По-английски говорит почти без ак-

цента. То ли мексиканец, долго живший в Европе, то ли испанец, долго живший в Мексике.

Гораздо больше мне не понравились два мрачных типа, маячивших за его спиной.

В Пограничье не берут своих подонков. Выгоднее нанять их здесь — это дешевле, и, кроме того, они знают местные условия. У привозных бандитов обычно возникают трудности с акклиматизацией.

А маленькие дельца обычно оборачиваются большими неприятностями.

— Я вас слушаю.

— К вам сегодня обращалась одна сеньора.

— Я ей отказал, — сообщил я и потянулся за газетой.

— Я знаю, — кивнул тип. — Сейчас она договаривается с неким сеньором Хорьком.

Я хмыкнул и отложил газету обратно.

Черный Хорек ленив почти так же, как я. Правда, он трусливее меня, намного жаднее, а главное — он не умеет готовить. Но дело не в этом. Чтобы Черный Хорек взялся за дело без предоплаты, ему надо посулить действительно много. Впрочем, я всегда знал, что он дурак.

— И?

— Я был бы вам крайне признателен, сеньор Ханко, если бы вы сейчас явились к...

— Леди М.

— К упомянутой вами сеньоре и сообщили ей, что согласны работать на ее условиях. А я, в свою очередь, готов компенсировать все понесенные вами в этом случае издержки.

— У меня почему-то возникает чувство, — начал я, — что, если я приму ваше предложение, мне не надо будет вести ее очень уж далеко.

Тип как-то странно посмотрел на меня.

— Вы проникательны, сеньор Ханко. Слишком проникательны.

— Если не секрет, — спросил я, — что это за дело, для которого вам так срочно понадобились проводники?

— Увы, уважаемый сеньор, — поклонился тип, — это я вам открою только в том случае, если вы согласитесь на мое предложение.

У меня возникло странное ощущение, что тип с превеликим трудом удерживается от того, чтобы придушить меня на

месте. А удерживается он исключительно потому, что я ему невероятно, позарез нужен.

— К сожалению, сеньор...

— Сангре. Дон Педро Сангре.

Ну и фантазия у этого дона.

— Должен вам ответить то же, что и леди М. Я не работаю.

— Очень жаль, сеньор Ханко. Очень жаль.

С этими словами тип развернулся и покинул помещение почты. Оба бандитос потянулись следом.

Я аккуратно сложил газеты в стопку и задумался.

Дело пахло все хуже и хуже. В мире есть только три вещи с подобным запашком. Политика. Магия. Деньги.

Представлялось весьма маловероятным, чтобы наше захолустье вдруг ни с того ни с сего стало аренной политической баталий. Власть в Запретных Землях принадлежит тем, кто там живет, что бы ни думали по этому поводу господа в Вашингтоне.

Деньги? Я не знал, насколько остро стоят у вампиров финансовые проблемы, но дон Педро в деньгах явно не нуждался. Или нуждался, но в очень больших. Я достаточно навидался подобных людей. Деньги для них не цель, а средство.

Остается магия. Вполне логично — чего-чего, а этого добра в Запретных Землях предостаточно.

И единственное, чего я в этот день так и не смог понять, — за каким чертом я, выйдя из почты, направился обратно в салун, подошел к стойке и тихо спросил у Фредди:

— Зеленый, у тебя случайно нет на примете пары надежных ребят, которые согласились бы рискнуть своей шкурой и не содрали бы при этом последнюю с меня?

Бренда Карлсен, охотница за вампирами

Полдень. Пыль, жара, вокруг каменная пустыня с редкими кактусами, а над головой — солнце, похожее на пылающий косматый клубок. От такого пейзажа и свихнуться-то можно запросто, а уж навязчивые мысли в голову лезут, прямо как мухи на покойника.

Меня, например, уже третий час преследовали мысли о ванне. Большой, нет, огромной ванне, полной горячей воды и чтобы пена переваливалась через край. Упасть в нее, да так, чтобы только нос наружу торчал, и блаженствовать.

Наконец, когда это видение стало совсем невыносимым, я потянулась за флягой, откупорила ее, сделала пару глотков, а остаток воды выплеснула на лицо, смывая застывшую маску пота и грязи. Сразу стало легче.

Правда, я осталась без воды, но, по моим расчетам, до деревни не больше пары миль, и на горизонте уже виднеется что-то зеленое. А где зелень, там и вода.

Еще у меня имелся ирландский бренди, которым меня снабдил местный священник, отец О'Райли. Хороший человек этот священник, и мне он нравился — даже несмотря на то, что именно ему я была обязана этой работой. В конце концов, не будь ее, меня бы загнали в другую адскую дыру, которыми изобилует эта чертова страна. Ибо иерархи церкви очень не любят, когда я и мне подобные начинают шлаться без дела вокруг собора в Мехико. Меня же они недолюбливают особенно — считают, что мой вид, видите ли, плохо влияет на паству. Наверное, так оно и есть.

Зато с О'Райли мы сразу же нашли общий язык, даром что я никогда не видела Зеленого Эрина. Ирландцы вообще приятные ребята, это подметили еще мои предки-викинги. Например, у них всегда найдется при себе хорошая выпивка — мне еще не встречался ни один ирландец без заветной фляжки. Держу пари, они и в аду умудряются припрятать глоточек-другой, дабы выпить в день Страшного суда за торжество Всевышнего.

От приятных воспоминаний о прошлом вечере меня оторвал звук, донесшийся из-за поворота. Кто-то долбил землю мотыгой — яростно, исступленно. Будь это в Техасе, я бы непременно решила, что копают могилу, причем злейшему врагу, чтобы успеть до захода солнца поплясать на ней.

Похоже, у Морганы возникли схожие мысли, потому что она вдруг замедлила шаг и, мотнув головой, вопросительно покосилась на меня.

— Спокойно, лошадка, — прошептала я, слегка похлопав ее по шее. — Сейчас мы завернем и посмотрим, кто это так шумит.

Сразу за поворотом начиналось небольшое поле, вскопанное едва ли на треть. Собственно, полем я назвала его из вежливости — скорее эта окаменевшая земля походила на подготовленную к промывке породу. Ее-то и долбил столь яростно человек в грязно-белой дырявой рубаше и таких же штанах. Крестьянин, или, по-местному, пеон.

Не люблю крестьян. Мысль о том, что я могла бы стать одной из них, собственностью подобной скотины, до сих пор вы-

зывает у меня холодную дрожь. А ведь если бы не то пьяное животное — мой отчим, — я могла бы так и не решиться бежать из своей родной, трижды проклятой и забытой всеми богами деревушки. И была бы сейчас похожа на корову с вечно полным пузом, с кучей сопливых детишек, цепляющихся за подол корявыми руками. А уж лицо... пусть Тереза и говорит, что я уродую свою кожу солнцем и ветром, что мне необходимо регулярно делать маски, втирать масла и прочие кремы — сто против одного, что мои младшие сестренки по сравнению со мной выглядят форменными старухами.

До сих пор мой самый зловещий кошмар — это не вампиры, не оборотни, не ожившие мертвецы и даже не та тварь из старой пирамиды, едва не утащившая меня напрямиком в преисподнюю, а утро на ферме, мычание недоенной скотины, запах гари от печи — и надо идти во двор, кормить птицу. От таких снов я просыпаюсь в холодном поту, сжимая рукоятку револьвера под подушкой — и на пару следующих ночей стараюсь затасить к себе в постель какую-нибудь грелку с приятным запахом изо рта.

Пеон был так увлечен своей работой, что не услышал моего приближения до тех пор, пока я не оказалась почти рядом. Только тогда он выронил мотыгу и, разинув рот, испуганно уставился на меня.

— Буэнос диас, — я всегда стараюсь вначале быть вежливой с людьми. Путь даже по ним сразу видно, что они этого не заслуживают.

— Э-э... буэнос диас, сеньор гринго.

Тень от моей шляпы падала ему под ноги, так что ему я должна была казаться чем-то вроде всадника Апокалипсиса — на вороной лошади, в длинном сером плаще и серой же шляпе на фоне огненного сияния. Разглядеть черты лица при такой подсветке сложно. Интересно, почему он не надел свое сомбреро, а бросил его на краю поля? При таком солнцепеке мозги закипят через три часа, а еще через пару — спекутся не хуже маисовой лепешки. Отличное блюдо для любителей человечинки — запеченные мозги, с корочкой.

— Далеко до деревни?

От моего голоса пеон вздрогнул и еще шире распахнул рот, из уголка которого тут же потянулась тоненькая нить слюны.

— Ы-ы.

Ну точно, спекся. Кретин.

— Деревня, — как можно разборчивее сказала я. — Эль-Экстинто. Далеко до нее?

С испанского «эль-экстинто» переводится как «потухший», но здесь, в Мексике, это слово имеет еще и второе значение — покойник, мертвец. Поди угадай, что имели в виду местные, давая своему поселению такое название.

— Э-э, сеньора...

Да, да, тупица, я — сеньора! Долго ты еще будешь обдумывать этот факт?

— Деревня в двух милях отсюда, — собрался наконец с остатками мыслей пеон. — Во-он там, — сообщил он, сопроводив свои слова взмахом руки.

Я развернулась в указанном направлении и окинула критическим взглядом каменную осыпь, через которую могла бы, пожалуй, перебраться какая-нибудь коза, но никак не Моргана.

— А разве дорога не ведет в деревню?

На этот раз он задумался надолго. Меня так и подмывало достать из нагрудного кармашка свои новые часики и демонстративно оставить их на них. Боюсь только, что это... существо отнюдь не оценило бы этого жеста, а скорее начало пялиться на новую блестящую игрушку, окончательно позабыв обо всем на свете.

— Дорога... длиннее, — пеон ронял слова с таким трудом, словно они были золотыми, опускаемыми в кружку нищего у ворот храма. — По ней ездят солдаты... бандиты... сборщики налогов. Мы не пользуемся ею.

Типично крестьянский ответ. Будь их воля, они бы вообще перепахали эту дорогу, чтобы прекратить поступление из большого мира всяческих неприятностей и соблазнов.

Помнится, один из моих друзей, аббат-бенедиктинец, объяснял мне, что практически любая деревня представляет собой замкнутый на себя мирок, микрокосм. Поскольку произносил он эту речь, будучи в ночной рубашке и держа в одной руке бокал с вином, а во второй — куриную ногу, эффект от речи получился смазанным. Но слово «микрокосм» я запомнила.

Крестьяне...

— Мучас грасиас, — сказала я, берясь за поводья, чтобы развернуть Моргану обратно к дороге.

— Си, сеньорита.

При чем тут «да»?

Я отъехала сотни на три ярдов, обернулась — он все еще стоял с раскрытым ртом и смотрел мне вслед.

Не люблю крестьян.

Деревня выглядела так же, как и большинство виденных мной до сих пор мексиканских деревушек: колодец в центре — одна штука, широкая пыльная улица, по совместительству исполняющая обязанности площади, — одна штука, обязательная церквушка, местами начавшая осыпаться, и несколько десятков хижин, считать которые мне было просто-напросто лень. Ах да, жители — ни души. Словно вымерли.

Этот вариант отнюдь не был самым невероятным — учитывая цель моего приезда, но поверить в него мешало отсутствие некоторых обязательных атрибутов, как-то — стервятников и запаха. При такой жаре труп начинает разлагаться очень быстро.

Я медленно проехала вдоль улицы, с сожалением покосившись на чернеющей в проеме колокольни образец средневекового литья. Пальнуть бы по нему пару раз — живо забегают.

Вместо этого я остановила Моргану у колодца, слезла, с трудом — боже, зачем эти люди подвесили сюда такую тяжеленную бадью! — вытянула наверх полное ведро чистой ледяной воды и взгромоздила его на край колодца. Наполнила заново обе фляги, затем аккуратно положила рядом шляпу — и сунула голову под воду. Вынырнула, отфыркиваясь, перевела дух и окунулась еще раз. Затем напоила из этого же ведра Моргану и ее же от души окатила остатками воды. Выжала волосы, благо они у меня короткие и сохнут быстро, надела шляпу, сдвинув ее пониже, и присела на край колодца.

Сейчас было бы здорово для полноты картины раскурить длинную гаванскую сигару и сидеть, медленно выпуская клубы дыма сквозь зубы. Но я не курю. Табак отбивает нюх не только у собак.

Рано или поздно они появятся. Что касается меня, то я никогда не спешу. До захода солнца еще уйма времени.

Их хватило ненадолго. Уже через несколько минут в домах начали колышаться занавески, чья-то тень мелькнула за низким глинобитным забором, в полумраке дверных проемов появилось несколько пятен посветлее. Некоторое время я наблюдала за этой суетой, потом мне стало скучно, я надвинула шляпу на глаза и принялась загонять себя в некое сонное оцепенение, которое мой друг аббат именовал забавным восточным словечком «медитация».

Вывел меня из него скрип сапог.

Сапоги — это хорошо. Нищий пеон не носит сапог, следо-

вательно, ко мне приближается то, что изображает в этой нишей деревушке верховную власть. Неважно кто — сеньор алькальд, старейшина или просто деревенский лавочник. Тот, с кем я смогу договориться. Ну а если не смогу, пусть пеняет на себя.

— Э-э... досточтимая сеньора...

Нарочито медленно приподняв указательным пальцем край шляпы, я взглянула на говорившего.

М-да, дело еще хуже, чем я предполагала. Если этот оборванец, одетый хуже любого виденного мной нищего Мехико, — местная власть... я не стала додумывать эту мысль до конца. Ясно только, что на горячую ванну я вряд ли могу рассчитывать.

Позади представителя власти робко переминались с ноги на ногу двое пожилых пеонов, одетых примерно так же, как и встреченный мной по дороге их кретин-односельчанин. Разве что на этих рубахи были малость почище да сомбреро выглядели не такими обтрепанными по краям.

— Не будет ли досточтимая сеньора столь любезна...

— Я — сеньорита! — перебила я словесные излияния этого шута.

— О, простите меня, досточтимая сеньорита. Я должен был догадаться. Простите...

Не дожидаясь, пока этот несчастный олух рухнет на колени и попытается испачкать своими поцелуями мои сапоги, я вытянула из жилетного кармана свой Знак и продемонстрировала его троице.

Троица дружно шархнула назад. Не думаю, что я сумела бы напугать их больше, даже показав растущие из-под верхней губы клыки.

— С-сеньорита...

— Вы что, не знаете, что означает этот Знак? — Держу пари, это знает каждый мальчишка, даже в такой дыре, как эта. Особенно в такой дыре, как эта. Серебряный крест из двух связанных кольев. Спят и видят, что пойдут в монахи, чтобы стать охотниками на вампиров. Знаменитыми охотниками. Такими, как Святой Рохас или брат Васко.

— Мы знаем... но вы?

Я слегка улыбнулась:

— По-вашему, охотник за вампирами — это непременно монах в серебряной кольчуге поверх рясы, с крестом в одной руке, осиновым колом в другой и горящими святым фанатизмом глазами?

— Нет, но... сеньорита, вы женщина, и вы... одна.

Я улыбнулась шире:

— А с чего вы взяли, что я одна?

Троица начала лихорадочно озираться по сторонам, выматривая толпы стрелков с «винчестерами» наготове. Не обнажив оных, они обратили свои взоры на меня.

Пока эти олухи глазели по сторонам, я распахнула плащ, обнажив при этом обе кобуры.

— Смит, Торфин и я, — моя ладонь обхватила рукоятку «бизона», — нас уже трое. Плюс этот черный парень, — пистолет из левой кобуры словно сам по себе взлетел вверх, крутанул вокруг пальца и лег обратно, — нас уже много, — про притороченный к седлу «винчестер» я упоминать уже не стала. Имеющий очи да увидит.

— Или, — я медленно обвела взглядом присутствующих, — кто-то хочет поспорить с *моими друзьями?*

Желающих не нашлось.

Я люблю свое оружие. Большой, тяжелый, никелированный «смит-и-торфин», прозванный «бизоном» за якобы присущую ему способность остановить этого зверя на полном скаку. Не знаю, как насчет последнего, не пробовала, но лягается Старший Брат будь здоров — я чуть кисть себе не сломала, привыкая к его бешеной отдаче. И «снарк» 38-калибра, поменьше, выглядит не так грозно, зато пятнадцать патронов в его обойме — как раз то, что нужно, чтобы удержать на расстоянии толпу разъяренной нечисти, пока заменяешь патроны в барабане Старшего Братца.

По-моему, это как раз те друзья, которые нужны маленькой хрупкой женщине вроде меня, чтобы в наше тяжелое время чувствовать себя спокойно. Надежный друг и защитник, который не предаст и не обманет. И вообще, человек чувствует себя по-настоящему свободным только тогда, когда он чувствует себя защищенным.

Один лишь алькальд, похоже, был не прочь поспорить, но, не найдя поддержки у своих односельчан, скис и стал похож на пустой бурдюк.

— Э-э... что же привело благородную сеньориту охотницу в нашу деревню?

— Приказ епископа, — при этих словах все присутствующие, исключая, разумеется, меня и Моргану, дружно перекрестились. — Стали пропадать люди.

Троица озадаченно переглянулась.

— У нас и в самом деле пропали двое, — сказал один из пе-

онов. — Педро Хименес и маленькая Рамона. Но мы и помыслить не могли...

— Люди... — перебила я его, — пропадали не только у вас!

Вчера мы с отцом О'Райли битых три часа мучились над потрепанной картой, пытаясь определить место наиболее вероятного местонахождения гнезда. И сошлись именно на этой деревушке. В других местах случаев было больше, там находили и тела с характерными следами — в трех десятках миль отсюда погибла целая семья из восьми человек, чья хижина стояла чуть на отшибе. Был даже один живой свидетель — какой-то отчаянно везучий парень, сумевший отмахаться от нападавшего вампира — скорее всего, недавно обращенного — факелом.

Так вот, если верить карте, Эль-Экстинто находилась примерно в центре охотничьих угодий тварей. И — всего два случая, причем оба раза тела исчезали без следа. Не гадь там, где живешь, — этому нехитрому правилу неукоснительно следуют все хищники.

Мне, наверное, стоило бы поговорить со свидетелем, но отец О'Райли сказал, что тот, отойдя от пережитого, быстро распрощался с односельчанами и подался к каким-то дальним родственникам то ли в Ниуауа, то ли в Дуранго. Весьма разумный поступок с его стороны — вампир наверняка запомнил его, а эти твари весьма злопамятны. Но преследовать жертву за пределами территории гнезда свежеиспеченный кровосос вряд ли отважится, хотя бы потому, что это может сильно не понравиться тамошним Хозяевам. Разве что сам Глава Гнезда решит устроить показательную акцию возмездия.

Ну и ладно. Мне вполне достаточно самого факта надежного свидетельства. Только господь и я ведаем, сколько мне пришлось наглотаться пыли, мотаясь по стране в погоне за очередным слухом, на проверку оказывающимся банальной пумой, бешеным койотом... в лучшем случае обратном. Да стоит этим суеверным пейзажам наткнуться на любой изуродованный труп — а в таковой превращается любое тело, над которым хотя бы десять минут поработали стервятники, — и они тут же принимают уйму сил и времени, выясняя, что никакими вампирами здесь и не пахло, потому что последнего из них проткнули братья-охотники еще во времена Климента XIII.

— Мы... э-э... все верные слуги нашей святой матери-церкви, — поспешно сказал алькальд. — И, если такова была воля Его Преосвященства...

— Интересно, — задумчиво сказала я, глядя при этом на Моргану, — найдется ли здесь человек, который сможет прочитывать послание монсеньора епископа?

На самом деле у меня была лишь обычная бумажка из епископской канцелярии, долженствующая, главным образом, удостоверять, что я взялась за это дело не из-за любви к искусству охоты на вампиров, а вполне официально нанята Святой Церковью и в качестве таковой имею право на оговоренное — сумма прописью — вознаграждение. Но там действительно было что-то вроде «... всемерно способствовать», а внизу в самом деле красовалась размашистая роспись монсеньора Аугусто и печать его канцелярии.

— Нет, нет, сеньорита, что вы, — замахал руками алькальд. — Разумеется, мы готовы услужить вам всем, чем только можем.

— Крышу над головой, — лаконично сказала я, внимательно изучая ногти своей правой руки. Ногти были грязные. — Еду. Горячий кофе каждое утро. Если мне потребуется еще что-нибудь, я вам сообщу.

— Как вам будет угодно, сеньорита, — согнулся в поклоне алькальд. — Я предлагаю вам разместиться у меня, это лучший дом в нашей деревне... хотя вы, конечно, привыкли куда к большему.

— Ничего, — доверительно сообщила я, — я привыкла довольствоваться малым.

Да-а. Долгими ночами под открытым небом. Ослепительный снег на горных перевалах — и горячий ветер пополам с песком на мертвых плоскогорьях. Дождь, превращающий дорогу в раскисшее месиво. Одиночество, когда неистово надеешься, что к твоему костру выйдет хоть кто-нибудь — даже тот, за кем ты охотишься сейчас, лишь бы сказал пару слов, прежде чем кинуться на тебя.

— Как пожелаете, сеньорита, — алькальд осмелел настолько, что попытался было протянуть руку к поводьям Морганы. Та недовольно фыркнула. Этого хватило, чтобы наглец отпрыгнул на несколько шагов и едва не упал, запутавшись в собственных штанах.

— Хорошая лошадка, — я одобрительно потрепала свою любимицу по шее, сняла сумки и протянула поводья пеону, стоящему справа, который показался мне более достойным доверия. — Позаботьтесь о ней, — мысленно добавив: «Не то я вас на колбасы переведу!»

— Прошу вас, сеньорита, — будь у алькальда метла, он, без

всякого сомнения, принялся бы подметать площадь передо мной. Господи, как в одном человеке может уместиться столько готовности унизиться? Не понимаю.

— Вы должны, — с какой радости я им что-то должна?! — простить нас, досточтимая сеньорита охотница, — продолжал алькальд. — У нас очень маленькая, бедная деревня. Священник и тот бывает у нас всего лишь два раза в год...

— Я знакома с отцом О'Райли.

— ...да, и тогда же приезжают сеньор сборщик с солдатами. У нас нет даже алькальда...

— А вы кто такой?

— Я... — говоривший на миг замялся. — Я простой хозяин лавки. Так уж повелось, что мои односельчане доверяют мне вести переговоры с приезжими. Но никакой официальной власти у меня нет. Прошу вас, сеньорита...

— Сеньорита Бренда, — сообщила я, наклоняясь, чтобы не задеть шляпой хлипкий косяк. — Называйте меня так.

— О... это большая честь для нас, сеньорита. А меня зовут Родриго. Родриго Санчес, с вашего позволения. Вот... эта лучшая в доме кровать.

Что ж, по крайней мере на ней было хоть какое-то подобие постели. Жалкое, по совести говоря, подобие, но все равно.

— Превосходно, — солгала я, забрасывая под кровать свои седельные сумки.

— Может, благородная госпожа охотница пожелает перекусить после столь длительного и трудного пути? Моя жена...

— Потом, — отмахнулась я. — Сейчас я хочу поговорить с родственниками пропавших.

— Да-да, конечно, как будет угодно...

Этот низенький, с реденькими сальными волосами человечка уже вызывал во мне бóльшую неприязнь, чем все остальные жители деревушки, вместе взятые. Держу пари, он ведет себя так с каждым хоть сколь-нибудь значимым приезжим — мелким чиновником, О'Райли... просто проезжим гринго. А потом отыгрывается на односельчанах. Наверняка они все у него по уши в долгах.

Может, пристрелить его? Тоже ведь вампир, только еще худший.

В хижине, где жила маленькая Рамона Фернандес, мы не нашли никого, а из родных Педро Хименеса на месте была только бабка, скрючившаяся в плетеном кресле в самом темном углу хижины. Я отослала лавочника прочь и попыталась ее разго-

ворить, но, судя по тому, что пробивалось сквозь полубезумное хихиканье, самые свежие новости бабки относились к взятию Аламо¹.

Может, брат Рамон и сумел бы добиться от нее чего-нибудь путного — он даже мумию мог разговорить, — но не я.

При мысли о Рамоне мне стало грустно. Я вдруг воочию представила, как мы едем рядом — Моргана подозрительно косится на мышастого мула монаха, мул в свою очередь начинает перебирать ушами, я хохочу, а Рамон невозмутимо почесывает свою кастильскую бородку и выдает одну из своих любимых латинских пословиц.

Промучившись с бабкой еще минут десять, я наконец окончательно признала бесполезность сего занятия и вышла из хижины.

Лавочника, естественно, давно и след простыл. Равно как и прочих взрослых аборигенов. Сиеста, мертвый час, что вы хотите, сеньорита? Только стайка мальчишек сгрудилась около соседнего забора, бросая испуганные взгляды в мою сторону.

Впрочем... не только мальчишек.

— Эй, bonita, — махнула я рукой тому из сорванцов, что щеголял чуть менее, чем у прочих, измазанной физиономией, а заодно и короткой юбкой из разноцветных лоскутов. — Иди сюда.

Существо в юбке оглянулось на своих притихших сотоварищей, сделало шаг, снова оглянулось...

— Иди-иди, — подбодрила я ее, — не бойся.

При более детальном изучении особь в юбке оказалась довольно симпатичной девчушкой — а если бы кто-нибудь, решила я, взял на себя труд отмыть это дитя и нарядить во что-нибудь более приличное, — то ее можно было бы назвать и красивой.

Когда-то я тоже любила водиться с мальчишками.

— Ты знала Рамону Фернандес?

— Да, сеньорита охотница, — отозвалась девчонка, неотступно глядя на что-то в районе моего пояса.

Проследив за ее взглядом, я подавила тоскливый вздох и принялась рыться в карманах плаща. Не то, не то... ага, вот.

---

¹ Защищаемый 146 техасскими повстанцами форт Аламо был взят трехтысячной армией мексиканского генерала Санта Анна в 1836 году.

Вообще-то я не увлекаюсь ручным переснаряжением, но в силу специфики работы некоторые пули приходится делать самой.

— Держи, — я протянула девчонке гильзу от «бизона». — Как тебя зовут?

— Мария, — пискнула та, зачарованно уставясь на блестящий цилиндрок. — О... это мне?

— Лови! — Гильза блеснула на солнце и тут же исчезла в смуглых ладошках.

— О... большое спасибо, сеньорита охотница, — затараторила девчонка. — Я... я сделаю из нее талисман. Повешу на шнурок... и буду носить рядом с крестом.

— Хорошая идея, — серьезно кивнула я.

— Я... — даже сквозь загар и слой грязи было заметно, что Мария отчаянно покраснела. — Я бы хотела стать такой, как вы. Сильной, отважной, никого не боящейся. Вы ведь никого-никого не боитесь, правда, сеньорита охотница? Даже самого El Diablo?

— Да хранит нас господь от встречи с ним, — улыбнулась я. — Храбрый человек должен бояться.

— Но... как это может быть, сеньорита охотница?

— Бренда. Меня зовут Бренда.

— Какое красивое имя, — тоскливо вздохнула девчушка. — И необычное. А вот у меня...

— У тебя тоже красивое имя, bonita. Просто я родилась очень далеко отсюда. Там необычным сочли бы твое имя.

— Бренда... — задумчиво повторила девчонка. — А почему ты сказала, что храбрый человек должен бояться?

— Так мне объяснил один мой друг гринго. Он сказал, что только трусы не знают запаха страха — потому что удирают прежде, чем почуют его. Храбрый человек всегда идет навстречу своему страху и побеждает сначала его, потом то, что этот страх породило.

— И так каждый раз?

Я рассмеялась и надела на голову Марии свою шляпу, медленно съехавшую ей на глаза.

— Нет. Один страх достаточно победить раз, и потом он сам будет бежать от тебя.

— А чего боишься ты, Бренда? — Малышка поправила шляпу, но выглядела в ней все равно уморительно. Встрепанный воробушек, нацепивший себе на голову собственное гнездо.

— Сейчас, — я задумчиво огляделась по сторонам, — я боль-

ше всего боюсь остаться без ужина. Как осталась уже без завтрака и обеда.

— Бедная.

— Сможешь показать, где пропала Рамона Фернандес? — деловым тоном осведомилась я, возвращая шляпу на привычное место — солнце пекло просто немилосердно.

— Да, — девчушка заметно побледнела, но все же нашла в себе силы кивнуть.

* * *

Лес мне не понравился. Он был весь пронизан какими-то затхлыми, мрачными оттенками... я так и не смогла понять, что именно настораживало меня, но очень пожалела, что оставила «винчестер» в притороченном к седлу чехле.

Нехорошее место. Неудивительно, что тут заводится всякая нечисть. Странно другое — что находятся идиоты, согласные поселиться рядом.

— Дальше я пойду одна.

— Но, Бренда... — девчонка осеклась, когда я развернулась к ней.

М-да. Рамон, помнится, тоже говорил, что в такие моменты у меня исключительно паршивая рожа.

— Первое правило охотника, — прошептала я, наклоняясь. — Всегда и во всем слушаться старшего команды. Запомнила? — Мария истово закивала. — Тогда беги.

Я проследила, как белая фигурка скрывается между стволов, облегченно выдохнула и убрала ладонь с рукоятки «бизона».

Так-то лучше. Не люблю, когда кто-то крутится рядом, когда мне приходится стрелять — а сейчас я эту возможность отнюдь не исключала.

Лес был сильно истоптан многочисленными следами босых ног — жители деревни искали пропавших и делали это довольно старательно. Их проблема была в том, что они не имели ни малейшего представления, что и как именно нужно искать в таких случаях. Зато я знала и потому довольно быстро отыскала крохотную ложбинку, в которой закончила свой земной путь несчастная Рамона. Тварь даже не потрудилась особо замаскировать следы борьбы, впрочем, судя по ним, борьба эта длилась недолго.

Похоже, это опять был недавно обращенный, потому и напал так недалеко от гнезда. А разглядев на земле едва различим-

мые бурые пятна, я окончательно убедилась в этом. Опытный вампир и капле крови не даст пролиться.

В принципе, уже сейчас можно было бы попытаться пройти по следу — я была больше чем уверена, что он ведет напрямиком до гнезда, разве что идиота завернул кто-нибудь из более опытных тварей. Но, взглянув на солнце, я решила отказаться от этой идеи.

Второе правило охотника — торопись медленно!

А потому я нашла подходящий пенек, разложила на нем свой немудреный магический арсенал и прикинула, что смогу соорудить за оставшиеся пару часов.

Выходило не так чтобы много. Я еще не видела местных звезд и уж подавно не имела понятия, к кому из духов древних богов можно здесь обратиться. Впрочем, к этим и обращаться-то не очень хотелось — как-никак я выполняю поручение Святой Матери Церкви, и, хотя самому монсьёру Аугусто глубоко безразлично, как я добьюсь результата, в условия контракта входит обязательная исповедь. И если падре Сантос решит... в прошлый раз мне это стоило восьмидесяти Ave Maria.

ГЛАВА 2

Кристофер Ханко, искатель неприятностей

Разминувшись с семейством гномов, я обогнул пьяного хобгоблина, завернул за угол — и нос к носу столкнулся с Ужасом. Пришлось изобразить вежливый реверанс.

Ужас осклабился — это у него получается хорошо — и приподнял котелок над черепом.

— Привет, Крис. Как жизнь?

— Пока теплится. А ты что плохого скажешь?

Ужас — скелет. Он остался от негра-проповедника, вознамерившегося нести жителям Запретных Земель слово божье. Правда, до гоблинских котлов он добраться не успел — неосторожно сцепился с кем-то в салуне, потом еще более неосторожно повернулся к обидчику спиной... двенадцать ножевых ран, самое жуткое самоубийство на моей памяти. Ну а поскольку самоубийцам не место на освященной земле, не приходится удивляться, что некоторое время спустя на улицах объявился сверкающий белизной костяк. Расставшись с плотью, он заодно из-

бавился от некоторых иллюзий, и теперь Ужас — один из лучших кучеров дилижансов в Пограничье.

— Говорят, в Трольфине появился Красный Охотник, — сказал Ужас, протягивая мне сигару.

— И на кого же?

— Это как раз самое интересное. Ни на кого.

— Не понял, — признался я, чиркая спичкой.

Ужас дернул ключицами.

— Сам удивляюсь, — скрежетнул он. — Никогда раньше такого не было.

— Хм. Слушай, — вспомнил я, — а ты не слыхал в последнее время каких-нибудь свежих пророчеств относительно Конца Света или чего-нибудь в этом роде?

— Нет, — уверенно ответил Ужас. — Точно.

— Жаль, — вздохнул я.

— Обратись к Гриппмфелду, — посоветовал скелет.

— Кости, — проникновенно сказал я, — ты — гений.

— Я знаю.

В самом деле, почему бы не обратиться к нашему светочу черной магии. Если что-то и в самом деле происходит, он-то наверняка в курсе.

Магистр Чернокижня, Прикладной Магии, консультант по Запретной Магической Деятельности, а также обладатель еще не менее десятка столь же звучных титулов — все они были перечислены на потемневшей деревянной вывеске — содержал крохотную, изрядно захлавленную лавчонку, главной достопримечательностью которой было чучело аллигатора. Аллигатор болтался под затянутым паутиной потолком и всем своим видом жаловался на то, что в родном луизианском болоте чувствовал себя не в пример лучше.

— Проклятье, — простонал Его Злодейство, едва завидев меня на пороге. — Ханко! Неужели я настолько кому-то досадил?

— Успокойся, К.М., — весело сказал я. — Ты настолько ничтожен, что никому и в голову не придет специально портить тебе настроение. А уж тем более нанимать для этого меня.

На самом деле К.М. Гриппмфелд достаточно сильный маг. В Пограничье же он сидит лишь для того, чтобы по дешевке скупать выносимые из Запретных Земель артефакты.

С другой стороны... я знал не так уж мало магов, считавших себя могучими. И знаю, где можно отыскать многих из них. На кладбищах.

ОГЛАВЛЕНИЕ

НА ВСЕХ ХВАТИТ. *Роман*

От автора	7
Глава 1	8
Глава 2	28
Глава 3	50
Глава 4	61
Глава 5	78
Глава 6	95
Глава 7	113
Глава 8	136
Глава 9	156
Глава 10	177
Глава 11	193
Глава 12	214
Глава 13	235
Глава 14	256
Глава 15	273
Глава 16	295
Глава 17	315
Эпилог	326

КОЛДУНЫ И КАПУСТА. *Роман*

От автора	337
Глава 1	338
Глава 2	359
Глава 3	375

Глава 4	392
Глава 5	409
Глава 6	429
Глава 7	450
Глава 8	465
Глава 9	482
Глава 10	500
Глава 11	519
Глава 12	536
Глава 13	553
Глава 14	568
Глава 15	588
Глава 16	605
Глава 17	620
Глава 18	636
Эпилог	660
ПРИМЕЧАНИЯ. План действий командования союзных сил по атаке фортов Таку на случай отказа китайцев в сдаче фортов	662
Глоссарий	666
Флотские звания Найтморленда	668